

ЗИНАИДА ГИППИУС

РОДИНА

Зинаида Гиппиус

Родина

«Public Domain»

1898

Гиппиус З. Н.

Родина / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1898

«Шло лето. Распустились серые глыбы снега, из-под них выглянули круглые, гляцевитые и темные булыжники мостовой. Плиты противоположного тротуара давно стояли голые, с коричневой водой в неровностях и выемках. Бледные, точно вымытые, небеса были чисты, и с них светило солнце, довольно теплое, хотя в тени еще сильно дышало холодом...»

© Гиппиус З. Н., 1898

© Public Domain, 1898

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Зинаида Гиппиус

Родина

*Так медленно, склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему.*

Пушкин

I

Шло лето. Распустились серые глыбы снега, из-под них выглянули круглые, глянцеви-тые и темные булыжники мостовой. Плиты противоположного тротуара давно стояли голые, с коричневой водой в неровностях и выемках. Бледные, точно вымытые, небеса были чисты, и с них светило солнце, довольно теплое, хотя в тени еще сильно дышало холодом.

Тем не менее швейцар Петр «переехал на дачу». То есть он выставил пыльное и низкое окно в просторной швейцарской, около мягкого дивана, служащего ему вечным пристанищем, из каморки под лестницей вытащил стол, установил его перед этим диваном. Аксинья Филипповна принесла скатерочку и два чайника, и Петр с супругой уселись пить чай «на вольном воздухе». Хотя вольного воздуха, собственно, и не было, потому что и дверь не отворили, да и последняя рама выставленного окна тоже была плотно приперта, – однако все-таки дышалось легче, и камни мостовой, и тумбы, и красная, близкая стена противоположного дома – все вид-нелось яснее сквозь промытое стекло, а кривым коленчатым филодендронам и глянцевитым фикусам в горшках стало сразу просторнее на поширевшем подоконнике.

Дом, в котором служил Петр, был очень большой. Он выходил на три улицы и имел шесть подъездов. Одна улица была большая и трескучая, веселая улица – другая поменьше, хотя тоже не без веселости, а третья сторона выходила на площадь, где и трескотни, и народу было уже совсем мало. И все-таки первый подъезд от угла считался не очень скучным. Народу не столько, – но зато можно полюбоваться на длинную улицу вдаль, на деревья церковного садика: посреди площади была круглая, белая церковь. Но Петров подъезд выходил, в сущности, даже не на площадь, дом здесь слегка вдавался в узкий и тихий переулок с плохой мостовой, и подъезд был как раз против грязного красного дома. А окно совсем уходило в переулок.

Петербургские швейцары, особенно из молодых, очень ценят в месте веселость. На Нев-ский даже за меньшее жалованье идут. Но Петр не ценил и своим местом не огорчился, потому что был стар, да и сильно привык. Он двадцать семь лет провел в этой самой швейцарской, даже и диван был все тот же, хотя его много раз починяли. Петр – высокий и широкий старик, уже немного сторбленный, с желтоватой, седой бородой, красными, малоподвижными, узловатыми руками и маленькими, недоумевающими и добрыми глазами. Он ходит, припадая на ноги (они у него болят), и говорит нечисто, а с порою детски-мягким, порою грубоватым акцентом всех уроженцев прибалтийских мест.

– Чтой-то, Петра, не рано ли мы нынче с чаем-то вышли? – спросила Аксинья Филипповна, громко прихлебывая с блюдечка. – Как будто еще тянет.

Аксинья Филипповна – маленькая старушка, с темным сморщенным личиком, в корич-невом платке, вся всегда покорная и тихонькая. Она из Тульской губернии, попала в Петербург в прачки, и потом как-то неожиданно, уж далеко не в молодых годах, вышла за Петра. Детей у них никогда не было.

– Ну, рано? Чего рано? – рассудительно произнес Петр. – Тянет оно действительно изпод низу, так ведь вольный воздух, весенний. Очень хорошо.

Аксинья Филипповна промолчала.

– Еще на санях поедут, – прибавила она робко.

– На санях? Никогда этого не будет. Уж вон они, каменья-то, все на виду. Уж вон колески-то по ним гремят. Слышь, слышь, ломовой-то едет! Все как есть загрохотали, заговорили.

Петр проговорил это не то с радостью, не то с умилением. Восемь месяцев камни, которые он знал наизусть, были скрыты снегом. И теперь он точно радовался им, узнавая их.

Мимо, по переулку, совсем близко от окна, проезжали пустые ломовики. Мужики сидели на вздрагивающих досках, празднично свесив ноги. Громадные колеса вертелись, гудя, стуча и грохоча светлыми серыми ободьями, отскакивая от больших, неровных камней. И близкие каменные стены, о которые ударялся стиснутый грохот, повторяли и усиливали его.

– Гремят, – равнодушно произнесла Аксинья Филипповна, поглядывая на ломовых и на мелочную лавку напротив, в том же грязном красном доме, с лестницею вниз, под погнутым железным навесом. Стоячие вывески, наравне с тротуаром и окнами, изображали большой витой хлеб, свечи, составленные тесным ровным рядом, сигарные ящики и какие-то круглые коробочки, причудливо расположенные, со сводчатой надписью наверху: «Российская масляная вакса».

– Здесь вон грохот этот, каменья, – произнес вдруг Петр, изменяя тон. В голосе его теперь не было никакого умиления по поводу обнажившейся мостовой. Он говорил с суровостью. – Да, грохот. Пыль, это какая летом. А там-то, у нас-то, дома-то благодать! Сосны, это, шумят. Вверху так шумят, словно поют. Далеко слышно, как идет шум, идет-идет – и прокатится. Озеро, это, светлое, холодное. Зелень такая по холмам. А ветер широкий-широкий, страсть! Потому воля ему. А мхи-то под соснами голубые, светом солнце как ударит – смола-то желтая, это, и закапает на мох: кап-кап. Вот как у нас, Филипповна.

– А народ-то там какой, Петра? – спросила Аксинья Филипповна. Слушала она Петра с большой привычкой, как все давно известное, но далеко не без участия.

– Народ? Народ известно какой – свои люди. Ну, коль родичей не осталось, так и чужие-то как свои. Известный народ. Подожди, Аксинья Филипповна. Много отстрадали, немного осталось. Повезу тебя на свою сторону. Недаром двадцать лет копим.

– Служба-то наша беспокойная.

– Говорю, молчи. Там, на родине, успокоимся. Тут ведь что? На время. А там окончательно. Горы-то, горы-то, Филипповна! Горы эдакие превысокие!

Петр даже руками развел, показывая, какие горы. Старуха слушала с удовольствием и благоговением.

– А я, Петра, гор-то и не видала. У нас в Ефремовском уезде место ровное. Ну, а что, Петра, как мы там, лошадь, коровку надо, и все тоже...

– Да уж все надо. Это дело такое, видно будет. Ишь, загрохотали опять, – прибавил он, взглянув в окно. – Нет, Филипповна, на санях теперь нет, не поедут. Сохнет совсем.

Тяжелые черные двери, наполовину стеклянные, знакомо и визгливо скрипнули. Петр поднял голову и встал. Он не любил длинной швейцарской ливреи, а чаще носил серую куртку и большие сапоги на больных ногах. Он привычным, припадающим шагом сошел с трех ступенек к дверям, и с тем же тонким скрипом затворил двери за вошедшей дамой. Дама была маленькая, шумящая, вертлявая, в явно новом, чересчур легком костюме и потому с покрасневшим носиком.

Она впорхнула на три ступеньки гораздо раньше Петра, который, торопясь, шел тяжело, сгорбленный в плечах, к воздушному звонку.

– Что, барин дома? – спросила дама, бросая недовольный взгляд в зеркало.

В уме Петра тотчас же проползла вереница всех людей, успевших пройти мимо. Он вспомнил, что между ними не было одутловатой фигуры «барина» из номера двадцать третьего. И он сказал: «Дома».

– А никто к нам не приходил? – не унималась барыня. Опять цепь входивших, уходивших протянулась перед глазами Петра. Долговязый, черный господин часто мелькал, все в двадцать третий. Он и сейчас был и, узнав, что барыни нет, ушел.

– Господин Ласточкин были, – сказал Петр.

Дама ахнула, что-то пробормотала и побежала наверх.

Петр хотел было воротиться к столику, но дверь опять застонала. Влетели два правоведа, розовые и неприятные. Они жеманились и хохотали.

– Будем спрашивать, дома ли?

– Нет, не стоит! Ведь сама назначила! Запирай же дверь!

– Ну вот, швейцар запрет! Швейцар, звонок в двадцать пятый!

И они. побежали мимо. Через мгновение их взвинченные, носовые голоса раздавались уже высоко на лестнице. Петр поглядел им вслед и позвонил в двадцать пятый.

Вернуться к чаепитию на этот раз не пришлось.

Каждую минуту скрипела дверь, входил кто-нибудь, свой или посторонний, один или несколько сразу, молча или с громкими разговорами, которых обрывки слышались не слушая – и все проходили мимо, мимо, наверх и сверху, а Петр машинально, следя глазами за их движением, запирал и отворял дверь, всходил тяжело на три ступеньки и нажимал белую пуговку звонка, одинаково давая знать о приходе своего и чужого, знакомого и родного.

А за окном в переулке нахмурилось, и пошел теплый дождь, гладко обмывая большие выпуклые камни мостовой. Грязные капли падали с железного навеса над входом в мелочную лавочку.

II

У Петра и Аксиньи детей не было, но жила несколько лет подряд девочка, приемыш, сиротка с Петербургской стороны. Взята она была уж немаленькая, и хотя и Аксинья и Петр очень любили ее, и она звала их дяденькой и тетенькой, – однако настоящей связи между ними не было, да и девочка попала со своим характером, мало к старикам подходящим. Подросла, вертушка такая стала, в горничные все хотела идти, да благо подвернулся человек – замуж выдали. Выдали хорошо, не пожалели, и свадьбу справили, и наградили.

Петр три дня все ходил – радовался, все по-хорошему, и девка пристроена, и вольнее как-то о себе подумать, на заветное дело денежки прикапливать. Все знали, что Петр копит особливые деньги, много лет уж копит, а как скопит, сколько ему надобно, то сейчас и уедет на родину.

Феня, воспитанница, хоть не очень часто, а все же заходила к дяденьке. Сидела она в швейцарской и теперь на сером вдавшем диване, за столиком против Петра и Аксиньи Филипповны. Опять пили чай, только теперь Петр мог не вставать каждую минуту, потому что одна половинка дверей стояла настезь, и люди проходили мимо без стонущего скрипа заржавленных петель. Было совсем тепло, даже жарко. Лето пришло незаметно и невероятно скоро. Несмолкаемый грохот колес по камням несся в открытую дверь. Грохот колес о камни – это не один какой-нибудь звук, хотя бы продолжительный. Это много кратких и часто рассыпавшихся стуков, круглых и твердых, и люди слышат их не только через уши, но и сквозь кость черепа.

Когда по переулку проезжали ломовики на широких колесах, то остов дома кратко и тяжело содрогался.

Из окна швейцарской виднелись только камни: близкие, большие камни мостовой, тумбы, плиты тротуара и каменный угол дома. Земли нигде не было, но земля проступала между круглившимися камнями мостовой серой, легкой, едкой пылью. И пахло пылью, горячим камнем на солнце, и хлебом из мелочной лавочки.

– Хорошо живу, говорить нечего, – бойко тараторила Феня, прикусывая сахар. – Второй год пошел, как вышла я, а чего лучше? Ревнив, конечно, ну, да ведь нельзя без этого. А чтобы он меня пальцем когда – ни-ни! Обращенье самое деликатное.

Феня была очень миловидна, со вздернутым носиком и завитыми волосами. Вообще она смахивала на петербургскую горничную, даже пришла в шляпке и шелковых перчатках. Только в бегающих карих глазках было что-то хитренькое и неприятное.

– Ужасно, ужасно у вас тут, дяденька, место невеселое! – продолжала она. – Просто неинтересно. И вообще подъезд не шикарный. Конечно, швейцарова должность беспокойная, да зато, если место бойкое, приятности много и процент можно хороший получить. Ну что мой Егор приказчиком был? Получай жалованье – и все тут. Как вышло место в швейцары по Невскому в эдакий дом прелестный – сейчас я ему посоветовала: бери, закрывши глаза, бери!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.